

Unabhängige russischsprachige Zeitung

ЗАРУБЕЖЬЕ

№8 (140)

август

2016

Наш адрес в интернете:

www.rubezh.eu

Информационно-аналитическое издание

Kioskpreis 1,20 €

В России, как все знают, надо жить долго. Для чего? Для того, чтобы дожить до перемен, до оттепели, до демократии и гласности, до посмертных и даже прижизненных реабилитаций. А если речь идет о русском писателе, то он должен жить долго для того, чтобы увидеть опубликованными все свои книги. Удавалось это, говоря о двух минувших веках, немногим.

Замечательный русский прозаик Фазиль Искандер прожил 87 лет, и у него все сбылось.

Среди тех, кто состоял в СП, публиковался в СССР и не хотел уезжать, он был одним из самых любимых писателей. Имею в виду, конечно, заслуженную читательскую любовь. Так называемую репутацию, которая у него была безупречной. Впрочем, начальство тоже ценило Искандера, на свой лад, и когда в американском «Ардисе» вышла полная версия «Сандро из Чегема», автор отделался сравнительно мелкими неприятностями. При том что «Пыры Валтасара» и некоторые другие главы этого абхазско-советского эпоса никак не могли быть дозволены в эпоху зрелого социализма. Вспомним еще и про «Кроликов и удавов», тоже опубликованных в «Ардисе» и тоже немислимых в доперестроечной советской печати.

Однако началась перестройка, и Госпремия, полученная Искандером именно за «Сандро», ясно свидетельствовала о том, что страна меняется необратимо. Такие тогда были критерии, в конце 80-х. Когда качество свободы измерялось

количеством снятых запретов и публикацией книг, за хранение и распространение которых еще вчера карали.

Искандер был среди победителей, и по праву. Потому что в прозе своей соединил лучшие черты классической русской литературы и собственный неповторимый стиль в описании маленького народа, живущего на краю империи. Потому что столкнул их, высекая искры: безумие советских будней и здравомыслие чегемских крестьян. Потому что был писателем космической силы, космической мысли и космического обаяния. Потому что создал свой неповторимый мир, свою бесконечную вселенную, свою маленькую планету, и обживал ее, щедро делясь впечатлениями. Потому что был рассказчиком от бога, и повествование свое вел на чистейшем русском языке, облагороженном легким кавказским акцентом. Потому что обладал чувством юмора невероятной силы и глубины. Потому что в России надо жить долго, и он следовал этому завету, и дожил.

А потом, в зените своей славы, в новые времена, о которых так мечтал, в нулевые годы вдруг обнаружил, что добавить к сказанному почти нечего. Изредка еще Фазиль Абдулович сочинял стихи

и афоризмы, но жизнь за окнами высылала тоску и отвращение, усугублялась старая болезнь, и давний его приятель писал мне два года назад: «Фазиль очень плохо себя чувствует, почти не говорит, сидит в кресле целыми днями».

Это был печальный сюжет. Писатель необыкновенной теплоты и света, никогда не сочинявший на злобу дня, отбравший эпохи применительно к вечности, он, должно быть, почувствовал, что пережил своих героев. Дядя Санд-

ничего не было слышно, он не подавал голоса и вместе с ним онемел автор.

Вероятно, героя убили эндурцы или кто там во время этой бесконечной войны на территориях бывшего совка, которую Фазиль Искандер, болея за своих абхазцев и сострадав всем ее жертвам, воспринимал как уничтожение собственного мира. Давным-давно, в рассказе «Битва при Кодоре, или деревянный броневик имени Ной Жордания» он уже оплакал этот мир с его гражданской войной и

из-под завалов, из тьмы крошечной проговорить: «То, что над недостатками страны еще хочется смеяться, означает наличие надежды на ее выздоровление. Если над страной уже не хочется смеяться, значит, что это погибшая страна. Над погибшими не смеются».

И тут, быть может, разгадка его молчания. Абхазец по происхождению и великий русский писатель, он похоронил оба своих отечества. А если нет родины и нет надежды, то не о чем и говорить.

Тем не менее в России надо жить долго, и великое наше счастье заключается в том, что писатель Фазиль Искандер так долго был с нами и так много успел сделать. Я не собираю автографы, но «Сандро из Чегема» с дарственной надписью автора, сделанной в сентябре 1991 года, из самых дорогих, читаемых и почитаемых книг в моем доме. Жизнь коротка, сколько ни проживешь, но есть чувство, преодолевающее смерть и смягчающее боль утраты, — это благодарность. Думаю, миллионы людей во всем мире сегодня испытывают это чувство, раскрывая книги Искандера.

А кто еще не читал — тем позавидуем.

«Дядя Сандро прожил почти восемьдесят, так что даже по абхазским понятиям его смело можно назвать старым человеком». Смело назовем его старым человеком, но и порадуемся, что он все-таки жив, бодрый старик, нигде ведь у автора не сказано, что герой умер. Герои великих книг в России живут вечно.

Илья МИЛЬШТЕЙН

сочинений, написанных в самую мрачную пору. «Земля — это прежде всего стоянка человека», место, где ему надлежит состояться. У тех, кто читает Искандера, этот шанс выше.

Дмитрий Быков,

«Собеседник», № 29, 2 августа

Утопия Искандера совсем не наивна?

Фазиль Искандера называют шестидесятником. Это не вполне верно.

И не только потому, что все свое главное он написал после 1966 года, когда «Созвездие Козлотура» появилось в «Новом мире» Твардовского и принесло Искандеру всемирную славу, а потому, что мировоззрение у него было совсем не шестидесятническое. Шестидесятые — это все-таки надежда. Это самые оптимистические представления о человеческой природе. Зло — эксцесс, добро — норма. И уж теперь-то все будет правильно. Искандер смотрел на вещи не то чтобы мрачнее, но трезвее. Мудрый и горький скепсис лежал в основе его обманчиво солнечных рассказов. Он, кажется, не слишком верил в народ — верил в одиночек. Уже после восьмидесяти в одном из интервью сформулировал он одну из самых главных своих мыслей: чем отличается умный от мудрого — а то, мол, вас всегда называют мудрым, что же это значит. Он ответил: умный понимает, как все устроено в мире. А мудрый умеет действовать вопреки этому.

Искандер действительно понимал, что в основе мира лежит не простое и не рациональное. Что человеческая природа будет вечно подносить неприятные сюрпризы, а мораль не имеет отношения ни к пользе, ни к религиозности. Это Искандеру принадлежит светлая мысль о том, что вера в Бога — вроде музыкального слуха. Она дается случайно и к нравственности не относится. Он же высказал однажды замечательную формулу: «Люди великой нравственности — почти

всегда люди поврежденного ума».

Искандер — писатель для глухих времен, таких, как семидесятые или нынешние. Его лучшей, по-моему, рассказ заканчивается словами: «Терпение и мужество, друзья». Этими двумя добродетелями он обладал в высшей степени. Был ему еще присущ восточный фатализм. Он понимал, что от человека, в сущности, зависит только одно: его собственное лицо. Это лицо он и сохранял. Может быть, именно поэтому им так часто владела беззаботность. Чего бояться-то? Только собственной слабости.

Когда после публикации нескольких рассказов в «Метрополе» и выхода за рубежом полного издания «Сандро из Чегема» Искандеру закрыли все публикации в СССР, он сдал московскую квартиру и поселился в крошечной картонной внучковской дачке. Вдобавок он внезапно ослеп на один глаз. Жители приморских городов, рассказывал он мне, знают важное правило: если тонешь, надо быстрее достигнуть дна. Тогда есть шанс оттолкнуться и всплыть. Достигнув дна, он даже обрадовался. Самые беспечные, самые счастливые сказки Искандера были написаны именно в это время — в глухом конце семидесятых, когда остальные его друзья и единомышленники пребывали в безнадежном отчаянии.

У него была своя социальная утопия, от которой многие отмахивались, считая точку зрения Искандера стопроцентно идеалистической. Между тем она всего лишь традиционалистская. Базировалась она на двух вещах, традиционных

для Кавказа. Впрочем, сам Искандер не любил разговоров о национальном характере. Он часто повторял: «Зачем говорить „кавказский“? Скажите просто: архаический». Утопия состояла вот в чем: как на Кавказе все решает старейшина, так и в управлении государством нужно всего лишь прислушаться к интеллектуалам. И когда сегодня смотришь на то, во что превратилась Россия, последовательно вытеснив из власти всех интеллектуалов, понимаешь, что утопия Искандера совсем не наивна.

Хорошо помню, как в редакции «Общей газеты» приглашенный в гости Искандер спорил с Егором Яковлевым. Яковлев напоминал: вспомни свое бесполозное депутатство, освидетание Сахарова, полный крах диссидентства, пытавшихся хотя бы написать тут гуманные законы. Искандер настаивал: государство должно управляться так же, как дом. А в доме решает старший и умный. Помню его тогдашнюю фразу: ситуация разрыва интеллигенции и власти ведет только к взаимной безответственности. Не знаю, поздно ли сегодня вспомнить этот совет. Власть скомпрометирована так, что порядочный человек к ней близко не подойдет. Да его и не подпустят. Но надо же когда-то будет начинать заново.

Он был блистательным рассказчиком, прошедшим поэтическую школу, начинавшим с баллады, научившимся у Киплинга экономному и сухому повествованию. Искандер — ранний и поздний, веселый или мрачный — это всегда увлекательно. Стиль его прозы похож на черноморскую рыбалку: на протяжении абзаца он выва-

живает мысль, а потом резко подсекает.

Самым продуктивным состоянием Искандер считал задумчивость. Последние годы его жизни были омрачены болезнью. Но и в этом состоянии он находил достоинство и вел себя с безупречным гордым спокойствием. И нет лучшего аутотренинга, чем чтение его

сочинений, написанных в самую мрачную пору. «Земля — это прежде всего стоянка человека», место, где ему надлежит состояться. У тех, кто читает Искандера, этот шанс выше.

Дмитрий Быков,

«Собеседник», № 29, 2 августа

Владимир Войнович о Фазиле Искандере

Вот фотография. Начало шестидесятых годов. Четыре молодых человека. Справа налево: Георгий Владимов, Фазиль Искандер, Илья Зверев и автор этих строк. Молодые писатели, окрыленные первыми успехами, опьяненные надеждами на будущее, которое много чего обещало. А за кадром совсем уж молодой и начинающий фотограф, теперь классик своего жанра Виктор Ахломов. Жизнь у всех, кроме Зверева, еще впереди, а пока дружеские общенья, застолья, читки влусх только что написанных текстов. И первые размолвки, иногда даже ссоры. Иногда даже надолго. По причинам, которые по прошествии времени кажутся недостойными того, чтобы их называть причинами. Но (это ждет каждого живущего) не успел оглянуться, а она, жизнь, уже вся позади. И чем дальше она от начала, тем менее существенными кажутся прошлые расхождения, тем отчетливее вспоминается хорошее, когда мы, молодые, веселые и смешливые, дружили, на что-то надеялись, и все-таки, как ни сложна была наша жизнь, кое-что в ней сбылось. Фазиль Искандер жил долго и в целом, по-моему, счастливо, преуспел в стихах и в прозе, прочитан и еще будет прочитан миллионами, любим читателями, обласкан нынешними властями, признан классиком русской литературы и достойным сыном Абхазии. Его праху — мир, книгам долгая жизнь, а жене Тоне мои соболезнования.

«Открытая Россия», 1 августа

О Фазиле Искандере

Перечитывая в эти дни сочинения Фазили Искандера, невольно думала о том, что сегодня едва ли не в подавляющем большинстве российских семей дети вплоть до выхода из родительского дома могут вообще ни разу не услышать таких слов, как «честь» и «благородство». Предлагаю моим читателям провести самостоятельные опросы знакомых школьников — известно ли им значение этих русских слов?

Прогнозирую — результаты будут шокирующими. Буду счастлива ошибиться.

А у Фазили эти понятия лежат в основании его прозы. Он о них не рассуждает — он из них исходит, опирается на этот фундамент.

«В свежемывитом чесуочном кителе Тимур сидел перед ним, все еще крепкий, бритоголовый, с тем волевым выражением лица, которую он уже утратил, но все еще хранил на лице. По этому выражению Кязым мог узнать начальника в любой толпе, и было непонятно, их выбирают по этому выражению или оно вырабатывается от власти над людьми».

Каким глубинным презрением к этим людям — бывшим или настоящим начальникам — окрашена его проза... Презрением без нажима, без особых эмоций, я бы сказала — величественным презрением... И хотелось иногда понять — а с каким чувством читали и читают сегодня (если читают) Фазили те, кто, выбрав свою судьбу, не могут все-таки не пони-

мать (пусть на самых задворках сознания), что они готовят своим детям не только огромное наследство (главная почва для самооправдания), но и неизбежный страшный (если не для всех, то для многих) вопрос. А он ведь будет задан — когда-либо, где-либо, кем-либо: а ты сам-то знаешь, что твой отец был негодяй?

Конечно, у Искандера был особый дар живописать советских прихвостней, безо всякого преувеличения говоря — частично теряющих человеческие свойства. Вот этот особый слой человечества на банкете в Абхазии, где присутствует Сталин. За столом — Сталин, Берия, Ворошилов, Калинин... «За Ворошиловым и Калининным по обе стороны стола сидели второстепенные вожди, неизвестные дяде Сандро по портретам».

Все остальное пространство заполняли секретари райкомов Западной Грузии с бровями, так и застывшими в удивленной приподнятости. Между ними кое-где были рассыпаны товарищи из охраны. Дядя Сандро их сразу узнал, потому что они, в отличие от секретарей райкомов, ничему не удивлялись и тем более не подымали бровей».

Вот один из секретарей выкрикнул здравцу Сталину не вовремя — как тут же стало ясно по тому, как «Сталин быстро повернулся к нему с выражением грозного презрения...» Как мгновенно меняется вся картина!.. Как чувствительна наша номенклатура!.. Берия, «на мгновение

сняв пенсне (помните Абадону у Булгакова? — М.Ч.), бросил на него свой знаменитый мутно-зеленый взгляд, от которого секретарь райкома откинулся, как от удара». А сидевшие с ним рядом секретари как-то незаметно раздвигаются, «образовав между ним и собой просвет с идеологическим оттенком» (ах, Искандер!..).

И только когда эти секретари подхватывают старинную грузинскую песню — «с каждым накатом мелодии песня смыкала с их лиц эти жалкие маски с удивленно приподнятыми бровями, под которыми все отчетливее, все самостоятельней проступали <...> лица виноградарей, охотников, пастухов».

Берия тут же за столом стремится наскорому решить вопросы жизни и смерти некоторых людей. «— Товарищ Сталин, что делать с этим Цулукидзе? <...> — А что он сделал? — Спросил Сталин, в упор посмотрев на Берия».

— Болтаст лишнее, выжил из ума, — сказал Берия...» Но из партии, как предлагает Берия, выгнать «не можем, — сказал Сталин и вразумляюще добавил: — Не мы принимали, Ленин принимал...» Зато Сталин вспоминает, что у болтуна есть брат (правда, по твердому заявлению объективного Берия, работает хорошо). «— Пусть этот болтун, — Сталин ткнул трубкой в невидимого болтуна, — всю жизнь жалеет, что загубил брата».

— Гениально! — воскликнул Берия». Что-то совсем недавно напомнил мне этот яркий эпизод, но что именно — не вспомнить...

Главное содержание этого замечательного рассказа «Пыры Валтасара» — опи-

сание эпизода из революционной юности Сталина, когда он в интересах партии ограбил паромом, а вывоза на лошадах по горам награбленного, одного за другим отправил на тот свет семерых сообщников.

Всегда удивляла меня полная адекватность слова этого писателя. О чем бы ни говорил — ни тени фальши, ложной риторики. У кого еще мы встретим такое спокойное, лишенное пафоса и искусственности, с какой-то почти неразличимой подкладкой мягкой самоиронии рассуждение о вечности? «Язык вселенского безмолвия и грусть вечности угадывались в покорном тиканье цикад <...> Казалось, вечность грустит о недоступном ей уюте временной радости жизни, а уют временной радости жизни сладок душе человека самой недоступностью вечной жизни на этой земле».

Мало кто в советское время сумел так разделиться в своей прозе со всевозможной советчиной. Подозреваю, что цензоры (в том числе и редакторы), устав с ним бороться (тем более, что талант уж слишком был навязчив), решили закрыть глаза на то, что эндурцы — это советские люди, и сделали вид, что поверили автору.

Сколько написано о Сталине — и правды, и лжи. Но никто, насколько я знаю, не сделал точнейшего наблюдения о расказах близко наблюдавших Сталина (обслуга, охрана и проч.) — именно эти рассказы, «чаще всего восторженные и потому разоблачительные, давали мне возможность заглянуть в первоисточник. Восторженный человек, мне так думается, менее склонен редактировать свои впечатления, ему кажется, что все

было прекрасно, и потому он простодушнее передает факты».

Фазиль не тщился казаться мудрецом, но он им несомненно был. «Кульп будущего, этот летучий расизм, как-то облегчает убивать в настоящем, ибо между настоящим и будущим нет правовой связи». Кто, если не мудрец, заставляет нас перечитывать свои суждения и думать над ними?..

Он был пристальным наблюдателем — не только действий (и никакая фальшь не ускользала от его едва ли не автоматической — природой или Всевышним даденной! — фиксации), но даже и животных. Как увлекательно его суждения об их поведении!.. Об «очаровательном лукавстве» собак, которые в ожидании еды «вдруг взлаивали без всякой причины, даже подбегали к забору, где, погавкав некоторое время, победно возвращались назад, как бы говоря: мы не дармоеды, отогнали очень опасного, хоть и невидимого врага». Да и не только о животных. В рассказе о кунсткамере принца Ольденбургского (кто, кроме историков, знал бы о том, что именно принцу, его деятельной натуре обязательно было множество людей созданием замечательного курорта в Гаграх — с великолепным парком в центре города?.. В последующей печальной судьбе всего этого принц не повинен): «Живая природа была представлена в виде чучел местных орлов, с ненавистью взиравших на живых собратьев...»

Прощай, Фазиль!

Мариэтта Чудакова,

Facebook, 1 августа, в сокращении

РУБЕЖ

ISSN 1862-5312

Независимая русскоязычная газета
Unabhaengige russischsprachige Zeitung

Издается с декабря 2004г.
Erscheint seit Dezember 2004

Главный редактор
Вадим Зайдман

Редколлегия:

**Израиль Зайдман,
Лев Местер,
Александр Малкин**

Менеджер по рекламе
Ольга Гринева

Chefredakteur
Vadim Zaydman

Redaktion:

**Izrail Zaydman,
Leo Mester,
Alexandr Malkin**

Werbemanagerin
Olga Grineva

*Номер подписан в печать 8.08.2016
Мнение редакции может не совпа-
дать с мнением авторов статей. За
содержание рекламы редакция от-
ветственности не несет.*

*Газета распространяется в Нюрнбер-
рге и Фюрте, продается в магазинах
прессы на вокзалах Германии, а так-
же по подписке.*

**Адрес редакции:
Zeitung «Rubezh»
Hummelsteiner Weg 14
90459 Nuernberg;**

**Tel.: 0911 - 431 27 05;
Fax-Tel.: 0911 - 431 28 31;
Internet: www.rubezh.eu
E-mail: rmeridian@web.de**